

## Москва, Потаповский...

Русская мысль - Париж - 1997 - 17-23 апр. - с. 13

Вышедшая недавно книга Ирины Емельяновой, дочери Ольги Всеволодовны Ивинской, продиктована благодарной памятью и написана живо, свободно, эмоционально. Мои заметки — не столько рецензия, сколько, в свою очередь, воспоминания и размышления.

Потаповский переулок близ Чистых прудов, где жила семья Ольги Ивинской, был действительно легендарным. Там, в небольшой квартире на последнем этаже шеститажного дома, соприкоснулись судьбы многих. Центром этого "скрещенья судеб" был Поэт.

С появлением на Потаповском в 1947 году Бориса Пастернака — которого автор книги называет "человеком, перевернувшим вверх дном нашу и без того незадачливую жизнь", и начинается первая, самая большая и важная часть книги.

Ирине Емельяновой удался образ поэта: в первый раз она увидела его девятилетней девочкой; затем, в течение последних четырнадцати лет его жизни, из года в год продолжала оставаться в кругу наиболее близких ему людей. Он встает из книги живым и даже знакомым (я никогда его не видела!), с "зудящим" голосом, в длинном черном пальто с неизменным барашковым "пирожком" на голове...

С великой любовью вспоминает Ирина его заботу, щедрость, невероятное сострадание к чужим бедам, его постоянное невольное чувство вины. Главным же считает **счастливую осуществленность** жизни поэта (об этом она пишет в очерке об Ариадне Эфрон); это состояние души как бы передавалось и другим. "Его приходы к нам всегда были связаны с ощущением праздника — рассказы, впечатления, подарки... Как будто он приходил не из соседнего дома, а приезжал откуда-то издалека, из иной жизни, богатой событиями. А подарки Б.Л. действительно любил делать..." — пишет Ирина Емельянова.

Она приводит пастернаковские записочки, адресованные ей, письма, надписи на книгах. "Я верю в тебя и уверен в твоём будущем. Будь смея душой и мыслью, мечтой и волей. Доверяй природе, духу судьбы, крупным событиям, а из людей только немногим, тысячу раз проверенным, достойным твоей веры. Почти отчески твоя БП. 3 Ноября 1955 Переделкино".

В "Легендах..." приведены письма тех, кого вспоминает автор; документы — это столпы, на которых воздвигается благодарная память мемуариста.

Заметки о Варламе Шаламове перемежаются с его письмами к О.Ивинской. Когда-то увлеченный ею, он, спустя два с лишним десятилетия, возникает вновь после каторжных лет — ожесточенный и надломленный. Но его письма — они относятся к 1956 году — о поэзии, об идеале, связанном "с душой, творчеством и жизнью поэта", о Пастернаке — прекрасны. Они печатаются впервые, как и все или почти все документы в книге И.Емельяновой.

Несколько писем Ариадны Эфрон к Ольге Всеволодовне и "Малышу" (Ирине) помещены после небольшого очерка о драматической судьбе дочери Марины Цветаевой. "Жить надо по правде, — пишет Ариадна Сергеевна Ирине в лагерь в январе 1962-го. — Жить надо (материально) не лучше других. Живущих хуже — жаль, но им можно помочь. А вот богатым, нашим теперешним, помочь ничем нельзя. Как невыносимы мне советские «нужориши», хотя бы



наши, тарусские хапуги-переводчики, акулы... И как для них по сути дела закрыто все то, о чем они толкуют и рассуждают..."

Одно письмо Ариадны Эфрон (от 3 марта 1961 года) вызвало во мне волнующие воспоминания. Именно в тот день (моего рождения) произошла моя первая встреча с Ариадной Сергеевной, приехавшей из Тарусы в Москву для работы со мной над первой посмертной книжечкой Цветаевой.

Но работать нам не пришлось: Ариадна Сергеевна долго и потрясенно, переживая все заново, рассказывала о Пастернаке, о нобелевской трагедии. Она говорила о поэте, равно беззащитном, сколь и бесстрашном, покинутом лжедрузьями и окруженном самыми верными; вспоминала драматические и юмористические подробности. Смелость Борису Пастернаку, как она утверждала, диктовал его талант, прямо пропорциональный мужеству, и наоборот: чем меньше дар, тем малодушнее творец... Она вспоминала эпизоды, которые я позже прочла в книге Ивинской "В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком". Эти эпизоды описаны и в "Легендах". Например, как друзья сочиняли за Бориса Леонидовича его письмо Хрущеву... У меня осталось впечатление, что его главным автором была сама Ариадна Эфрон.

Она горевала и осуждала поэта за то, что он втянул в свои дела Ольгу Всеволодовну, а с нею — и "ребенка", Ирину, за что последовала расправа над ними, а законная его семья почему-то оказалась ни при чем...

Долго говорила она, тихо и взволнованно, не выпуская из рук пачку "Прибоя", не переставая курить и глядя остановившимся взором в окно с девятого этажа комнаты приятельницы на "лужниковский" унылый пейзаж.

И с того самого дня судьба Ольги Ивинской и Ирины Емельяновой сделалась небезразличной и мне; при встречах мы с Ариадной Сергеевной говорили о них; она принимала деятельное участие в хлопотах о посылках в лагерь, помогала, чем могла, вязала Ирине кофточки, поддерживала главного "болельщика" — Инессу Малинкович. В "Легендах..." Ирина Емельянова посвящает памяти этой маленькой мужественной женщины очерк, полный любви, и тоже цитирует ее письма, вспоминает их разговоры.

Из документов, которые приводит Ирина в своем живом повествовании, на меня самое большое впечатление производят отрывки из протоколов допросов Ольги Всеволодовны в 1949-1950 гг. Мужество "подсудимой" — вот что в них поражает. Ни словом, ни намеком не предала она Поэта. Только защищала, старалась отвести подозрения, обвинения... И потом, измученная, после тюремной больницы, где потеряла ребенка, она продолжала упорно "гнуть" свою "линию защиты" — после чего была пригово-

рена "к пяти годам лагерей строгого режима".

Не могу не процитировать эти кричащие документы.

**Вопрос:** Охарактеризуйте политические настроения Пастернака, что вам известно о проводимой им вражеской работе, проанглийских настроениях и изменческих намерениях?

**Ответ:** Его нельзя отнести к категории антисоветски настроенных людей. Изменческих намерений у него не было. Он всегда любил свою родину...

**Вопрос:** Чем была вызвана ваша связь с Пастернаком? Ведь он намного старше вас. **Ответ:** Любовью".

И спустя много лет, когда имя Ольги Ивинской стало легендой, в документальном фильме "Лара" она, все еще сохранившая свою красоту, скажет: "Это была — ну просто любовь... я очень дорожу за нее заплатила... Я понимала, как ему труд-

но, я жалела его и шла навстречу всем тягостям... По-женски мучилась, но я не могла ему не прощать ничего... Я все делала, чтобы его поддержать".

Все было очень просто и трагично — как и в пастернаковском романе. И именно Лару не могли простить Ольге Всеволодовне злобные завистники (завистницы), распускавшие о ней гнусные сплетни (даже в печати), не понимая, что этим они прежде всего предают память Бориса Пастернака; сплетни, отголоски которых слышны и по сей день. Не боясь громких слов, скажу, что это великий позор нашей так называемой "интеллигенции" — какая бы малая часть ее ни имела отношения к клевете.

И не меньшим позором и виной перед памятью поэта считаю отказ (Российского архива, суда, лжеродственников) вернуть семье Ольги Всеволодовны пастернаковские материалы, изъятые при ее аресте в 1960 году. (При такой практике любую ценность в любых частных руках можно объявить "национальным достоянием" и ограбить владельца.) "Он (Пастернак. — А.С.) приносил мне то, что было мне интересно... <говорил>: все это твоё. Архива Пастернака не было, — рассказывала Ивинская в телепередаче, снятой пять лет назад. — Были вещи, украденные у меня в моей квартире".

Мне кажется, что Ольга Всеволодовна относилась к трагическим перипетиям своей жизни и к людям, причинявшим ей зло, с неким презрительным добродушием. И неповторимым, незаменимым для всех, кто знал ее, юмором. Иначе она просто не смогла бы жить...

Может быть, какие-то сходные черты характера помогли и Ирине? В очерке "Дочери света" есть замечательная сцена. В лагере идет "шмон". Ищут религиозную литературу, перетряхивают барахло заключенных. И в момент, казалось бы, дополнительной униженности к Ирине приходит озарение: "Дурные чувства оставляют меня. Приходит какое-то новое, неожиданное, странно гармонирующее с простодушным небом.. Что же это, как теплая вода, смывает с меня раздражение и досаду, ненависть и злобную тоску?..."

Мне трудно без волнения говорить о книге "Легенды Потаповского переулка" именно потому, что я знала и Ариадну Эфрон, и Ольгу Ивинскую, и Инессу Малинкович. Книга воскрешает их всех, они встают в моей памяти как живые.

Трагическая по своей сути, книга эта добра и человечна. И эта человечность Ирины Емельяновой, не снизошедшей до "обличительного пафоса", только усиливает запечатленный в "Легендах..." приговор эпохе.

АННА СААКЯНЦ

Москва

30